

Логану.

*Мы только познакомились,
но я уже люблю тебя.*

«Она была рада, что уютный дом,
и мама с папой, и камин, и музыка
были сейчас. Их нельзя забыть, ду-
мала она, потому что они сейчас.

Они не могут быть давно».

*Лора Инглз-Уайлдер,
«Маленький домик в больших лесах»*

«Время — самое длинное рассто-
яние между двумя местами».

*Теннесси Уильямс,
«Стеклянный зверинец»*

Дорогой Питер,

Я скучаю. Прошло всего пять дней, но я скучаю так, будто прошло пять лет. Может, я просто боюсь, что это конец и что мы никогда больше не будем разговаривать. Да, мы будем здороваться на уроке химии и в коридорах школы, но будет ли все так, как раньше? Мне от этого очень грустно. Я чувствую, что могла бы сказать тебе что угодно. Думаю, ты тоже это чувствуешь. Я на это надеюсь.

В общем, я прямо сейчас скажу тебе это «что угодно», пока не растеряла всю храбрость. Меня напугало то, что случилось между нами в джакузи. Для тебя это был лишь еще один день из жизни Питера, но для меня это значило гораздо большее, и именно это меня напугало. Даже не то, что все говорили о нас и обо мне, а то, что это вообще случилось. Что все было так просто, и что мне понравилось. Я испугалась и сорвалась на тебя, за что мне очень стыдно.

И прости, что я не защитила тебя перед Джошем на концерте. Я должна была. Я многое тебе должна. Я должна тебе гораздо больше, чем это. До сих пор не могу поверить, что ты пришел и принес печенье с изюмом. Кстати, ты был такой милый в этом свитере. И я не подлизываюсь. Я серьезно.

Иногда ты мне так нравишься, что просто сил нет. Это чувство переполняет меня с головы до ног и вот-вот польется через край. Ты мне так нравишься, что я не знаю, что с этим делать. От мысли о том, что я снова тебя увижу, мое сердце бьется как сумасшедшее. А потом, когда ты смотришь на меня так, как ты это делаешь, я чувствую себя самой счастливой девушкой на свете.

То, что Джош говорил о тебе, неправда. Ты не тащишь меня на дно. Наоборот. Ты создаешь меня заново. Ты подарил мне первую любовную историю, Питер. Пожалуйста, не дай ей закончиться так скоро.

С любовью, Лара Джин

КИТТИ ВСЕ УТРО КАПРИЗНИЧАЕТ, а папа и Марго, похоже, мучаются постновогодним похмельем. Ну а я что? У меня перед глазами летают сердечки, а письмо в кармане пальто грозитя прожечь дыру.

Пока мы обуваемся, Китти все еще пытается увильнуть от необходимости надевать ханбок* к тете Кэрри и дяде Виктору.

— Посмотрите на рукава! Они мне едва до локтей достают!

— Так и должно быть, — отвечает папа неубедительно.

Китти показывает на нас с Марго.

— Тогда почему у них длина нормальная? — спрашивает она.

Ханбоки нам привезла бабушка из ее последней поездки в Корею. Марго достались желтая блузка и салатная юбка. Моя блузка была розово-бежевой, с ярко-розовым бантом. Объемная, похожая на колокол юбка струилась до пола, тогда как юбка Китти едва прикрывала ей лодыжки.

— Мы не виноваты, что ты растешь, как сорняк! — говорю я, сражаясь с бантом.

Правильно повязать бант сложнее всего. Чтобы разобраться, что к чему, мне пришлось несколько раз пересмотреть видео в Интернете, но он все равно получился кривым и жалким.

---

* Национальный корейский костюм, состоящий из запахивающей юбки и жакета. *Здесь и далее примеч. ред.*

— И юбка у меня короткая! — ворчит сестренка, приподнимая подол.

На самом деле Китти терпеть не может надевать ханбок только потому, что ходить в нем нужно очень аккуратно, одной рукой придерживая юбку, чтобы вся конструкция не развалилась.

— Ваши кухни тоже будут в ханбоках, и это очень порадует бабушку, — говорит папа, потирая виски. — Разговор окончен.

В машине Китти без перерыва бормочет: «Ненавижу Новый год», и у всех, кроме меня, портится настроение. Марго и так уже была не в лучшем расположении духа, потому что ей пришлось встать на рассвете, чтобы вовремя вернуться домой от друзей. Похмелье, вероятно, тоже сделало свое дело. А вот мое настроение ничто не может испортить: меня даже нет с ними в машине. Я нахожусь в другом мире, думая о своем письме Питеру. Достаточно ли оно искреннее? Как и когда я его передам? Что он ответит? Что это будет значить? Бросить его в почтовый ящик или подсунуть в шкафчик? Когда мы снова увидимся, улыбнется ли он, пытаюсь обратить все в шутку и смягчить напряжение? Или сделает вид, что ничего не получал, чтобы не говорить об этом? Такой вариант был бы самым ужасным. Но я напоминаю себе, что, несмотря на все, Питер добрый и милый, и он не поступит так жестоко ни за что на свете. В этом я точно уверена.

— О чем ты задумалась? — спрашивает Китти.

Я ее едва слышу.

— Эй!

Я закрываю глаза и притворяюсь спящей. Все, что я вижу, — это лицо Питера. Я точно не знаю,

чего от него хочу и к чему готова. Будет ли это «ты-мой-парень-я-твоя-девушка-все-очень-серьезно» любовь? Или просто случайные поцелуи, как раньше? Или что-то среднее? В одном я уверена наверняка: я не могу выбросить из головы его лицо. Как он улыбается, называя меня по имени, и как рядом с ним я порой забываю дышать.

Разумеется, приехав к тете Кэрри и дяде Питеру, мы обнаруживаем, что никто, кроме нас, не надел ханбоки. Китти так старается не накричать на папу, что вся багровеет, а мы с Марго испепеляем его взглядом. Знал бы он, какое это мучение, целый день ходить в этой тряпке! Но потом бабушка награждает меня одобрительной улыбкой, и я успокаиваюсь.

Пока мы разуваемся и снимаем пальто в прихожей, я шепчу Китти:

— Может, нам дадут больше денег за то, что мы так оделись?

— Девочки, вы прелестно выглядите! — восклицает тетя Кэрри, обнимая нас. — А вот Хэйвен отказалась надевать ханбок.

Хэйвен закатывает глаза.

— Мне нравится твоя прическа! — говорит она Марго.

Хэйвен всего на пару месяцев старше меня, но считает себя гораздо более взрослой и постоянно пытается подружиться с Марго.

Мы начинаем с поклонов. В корейской культуре в первый день нового года нужно кланяться старшим, желая им удачи в будущем году, а в ответ они дают тебе деньги. Очередь идет от стар-

шего к младшему, поэтому бабушка садится на диван первой. Сначала ей кланяются тетя Кэрри и дядя Виктор, потом папа и так далее. Китти, как самая младшая, идет последней. Когда папа садится на диван и получает свои поклоны, рядом с ним остается одинокая диванная подушка, которая лежит там каждый Новый год, с тех пор как умерла мама. У меня защемляет в груди от того, как папа сидит там один, бодро улыбается и раздает десятидолларовые купюры. Бабушка многозначительно перехватывает мой взгляд, и я знаю, что она думает о том же. Когда приходит моя очередь кланяться, я встаю на колени, складываю ладони перед лицом и клянусь, что в следующем году папа не будет сидеть на диване один.

Мы получаем десять долларов от тети Кэрри и дяди Виктора, десять от папы, десять от тети Мин и дяди Сэма, которые на самом деле нам не дядя с тетей, а троюродные брат и сестра. Или супердвоюродные? В общем, они мамины кузены. Бабушка дает нам по двадцатке. Никто не заплатил нам больше за то, что мы были в ханбоках, но в целом выручка получилась неплохая. В прошлом году все родственники ограничились пятерками.

Далее в программе у нас суп из рисовых лепешек, который приносит удачу. Еще тетя Кэрри испекла гороховые пирожки и настояла на том, чтобы каждый их попробовал, хоть никто из нас не горел желанием. Ее близнецы, Гарри и Леон, наши четвероюродные братья (или двоюродные братья в квадрате?), отказались от супа с пирогами и уплетают куриные наггетсы, сидя перед телевизором. За обеденным столом не всем хватило места, поэтому мы

с Китти сидим в кухне на табуретах и лишь слушаем доносящийся из столовой смех.

Сделав первый глоток супа, я загадываю желание. *Пожалуйста, пожалуйста, пусть у нас с Питером все получится.*

— Почему моя миска с супом меньше, чем у остальных? — шепчет мне Китти.

— Потому что ты самая младшая.

— А почему нам не дали кимчи?

— Потому что тетя Кэрри считает, что мы его не любим, ведь мы только наполовину корейцы.

— Попроси кимчи, — шепчет Китти.

И я иду просить, скорее для себя, чем для нее.

Когда взрослые садятся пить кофе, мы с Хэйвен и Марго идем в комнату Хэйвен, а Китти увязывается за нами. Обычно моя младшая сестра играет с близнецами, но в этот раз она хватает Смитти, йоркширского терьера тети Кэрри, и идет с нами вверх, как все девочки.

У Хэйвен по всей комнате развешаны плакаты инди-музыкантов, о большинстве которых я даже не слышала. Она их постоянно меняет. Я вижу один новый, группы «Бель и Себастьян», напечатанный на бумаге в виде джинсовой ткани.

— Классный! — замечаю я.

— Я как раз собиралась его поменять, — говорит Хэйвен. — Можешь взять себе, если хочешь.

Я вежливо отказываюсь. Я же знаю, что она предлагает лишь для того, чтобы почувствовать свое превосходство.

— Я возьму! — восклицает Китти, и Хэйвен тут же хмурится, но сестренка уже отрывает плакат от стены. — Спасибо, Хэйвен!

Мы с Марго переглядываемся, стараясь не улыбнуться. Хэйвен всегда недолюбливала Китти, и это чувство у них взаимное.

— Марго, ты в Шотландии ходила на какие-нибудь концерты? — спрашивает Хэйвен, плюхаясь на кровать и открывая ноутбук.

— Ни разу, — отвечает Марго. — Я была занята учебой.

К тому же моя сестра вообще не любит ходить на концерты. Она смотрит в телефон, а юбка-ханбок струится вокруг нее. Марго — единственная из девочек Сонг, кто до сих пор при полном параде. Я сняла блузку, оставшись в майке и юбке, а Китти избавилась от всего ханбока и теперь щеголяет в топе и подштанниках.

Я сажусь на кровать рядом с Хэйвен, чтобы она могла показать мне фотки с ее каникул на Бермудах. Она начинает прокручивать ленту Инстаграма, и я замечаю снимки из нашей школьной поездки. Хэйвен играет в молодежном оркестре Шарлотсвилля, и у нее в друзьях много ребят из разных школ, включая мою.

Я не могу сдержать вдоха, когда вижу ее: нашу общую фотографию, сделанную в автобусе в утро отъезда. Питер обнимает меня за плечи и что-то шепчет мне на ухо. Хотела бы я вспомнить, что именно!

Хэйвен поднимает на меня удивленный взгляд и спрашивает:

— Ой, смотри, это ты, Лара Джин. Где это?

— Ездили со школой кататься на лыжах.

— Это твой парень? — спрашивает Хэйвен, и я вижу, что она поражена, но усердно старается этого не показывать.

Хотела бы я сказать «да», но...

Прибегает Китти и заглядывает мне через плечо.

— Да, и он самый красивый парень, которого ты когда-либо видела, Хэйвен! — говорит она с вызовом.

Марго, которая до этого сидела, уткнувшись в телефон, поднимает взгляд и хихикает.

— Это не совсем так, — говорю я, защищаясь.

То есть да, он самый красивый парень, которого я когда-либо видела, но кто знает, какие ребята учатся в школе с Хэйвен.

— Нет, Китти права, он шикарен, — признает Хэйвен. — Как ты его заполучила? Без обид. Я просто думала, ты не из тех, кто встречается с парнями.

Я хмурюсь. Не из тех, кто встречается с парнями? Что это значит? Что я мухомор, который сидит в полумраке своей комнаты и обрастает плесенью?

— Лара Джин постоянно ходит на свидания! — поддерживает меня Марго.

Я краснею. Я ни разу не была на свидании, если не считать Питера, но я благодарна сестре за ложь.

— Как его зовут? — спрашивает Хэйвен.

— Питер. Питер Кавински.

Одно его имя доставляет мне удовольствие, и я смакую его, как тающую на языке дольку шоколада.

— Хм, — говорит Хэйвен. — Я думала, он встречается с той красивой блондинкой. Как там ее? Дженна? Вы с ней в детстве были лучшими подружками.

Я чувствую укол в сердце.

— Ее зовут Женевьева. Мы раньше дружили, но теперь нет. И они с Питером уже давно расстались.